

1. ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ. ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕОПОЛИТИКИ И ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ

1. 1. Основные понятия и определения геополитики

Историю человечества с точки зрения геополитики можно рассматривать как последовательную смену геополитических эпох или глобальных силовых полей. Каждая геополитическая эпоха имеет свой баланс сил, свои зоны влияния, определённые пространственные границы, а также своих ключевых игроков, не меньшее значение имеют и средства достижения геополитических целей. В качестве основных средств решения задач геополитики, наряду с традиционной дипломатией, чаще всего используются меры силового воздействия, сегодня их определяющее значение более чем очевидно, оно стало закономерным. В настоящее время мир переживает войны везде и во всем. Например, министр иностранных дел Франции Лоран Фабиус современную формулу геополитики трактует следующим образом: «Военная операция, политическое урегулирование и восстановление».

Геополитические отношения представляют собой в первую очередь единство и борьбу различных мировых сил. Чаще всего это борьба основных противоположностей: суши и моря, центра и периферии, политических или экономических интересов, религиозных или культурных взглядов и т.д. Единство и стабильность в мировом историческом процессе — явления исключительно временные. В мире не существуют государств или коали-

Уинстон Черчилль
(1874–1965)

ций государств, чьи отношения между собой сохранялись неизменными длительный период времени. Причем отношения между государствами изменялись принципиальным образом: от полного взаимопонимания и взаимной поддержки до откровенной конфронтации и даже военного противостояния. Такова природа геополитики. Виднейшему политическому деятелю Великобритании Уинстону Черчиллю (1874–1965) принадлежит мысль, что у Англии нет постоянных дру-

зей, союзников, у нее есть только постоянные политические (геополитические) интересы.

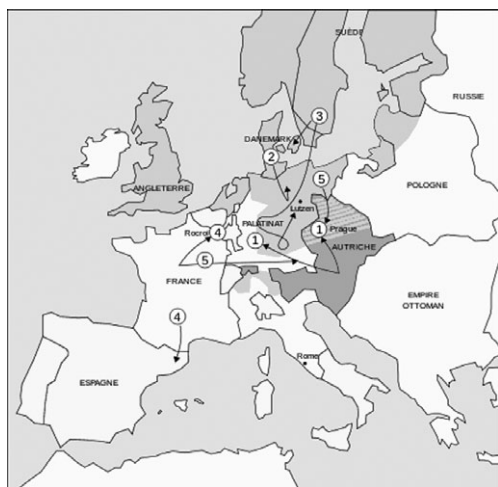
Следует особенно подчеркнуть, что в геополитике только борьба противоположностей абсолютна и постоянна. На каждом этапе этой бесконечной, бескомпромиссной борьбы формируется определенный баланс сил. Этот баланс сил является своеобразным гарантом временной политической стабильности и относительного равновесия в мире. Нарушается баланс сил — и мир погружается в кошмар войн и военных противостояний, отсюда, важнейшей категорией геополитики является баланс сил. Последнее глобальное нарушение мирового баланса сил напрямую связано с ликвидацией могучей державы, одного из ключевых игроков мировой геополитики — СССР. После запланированного и блестяще реализованного западом Беловежского разрушения СССР баланс сил в мире принципиально изменился. Мир перестал быть биполярным. Запад, пользуясь этой ситуацией, сегодня навязывает России и другим странам мира, в том числе и силовым путем, свои правила игры на мировой арене, пытается создать новый мировой порядок, в том числе и за счет России, и против неё. Это грозит непредвиденными последствиями для всего земного шара, для всей нашей цивилизации. Современная цивилизация по причине агрессивности политики ведущих стран мира стоит на пороге своего самого тяжелого коллапса. Удивительно как наш мир не видит очевидных последствий такой политики.

Важной категорией геополитики также является понятие «политическое пространство», которое очерчено границами. Политическое пространство — это один из главных признаков самостоятельного государства. Таковым его делают определенные границы, выступающие фактором безопасности при соответствующей организации их защиты. Поэтому не случайно в геополитике весьма важную роль играют пространственные отношения между государствами. В свою очередь пространственные отношения регламентируются границами. Под государственной границей понимается линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) страны, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета. Геополитическая проблема границ возникает всегда, когда начинается борьба за контроль, присоединение, освоение географического, политического или экономического пространств. Более подробно категории геополитики будут представлены ниже.

История существования древнейших цивилизаций, в первую очередь противостояние «континентального» Рима и «морского» Карфагена, предвосхитила многие геополитические реальности XX и даже первой половины XXI века.

Основные принципы современной мировой политики и геополитики были заложены ещё Вестфальской системой международных отношений (1648) после окончания Тридцатилетней войны (1618–1648). Эта война представляла собой первый в истории Европы военный конфликт, затронувший в той или иной степени практически все европейские страны (в том числе и Россию). Тридцатилетняя война началась как религиозное столкновение между протестантами и католиками Германии, но затем переросла в борьбу против гегемонии Габсбургов в Европе. В настоящее время практически любой военный конфликт также чаще всего предвосхищается политическими, религиозными или расовыми противоречиями.

К моменту окончания Тридцатилетней войны в Европе в основном образовались национальные государства. Мир вступил

LA GUERRE DE TRENTE ANS

■ Pays ou zone à majorité protestante	① 1618-1623 : Défaite des Tchèques et de l'électeur palatin
□ Habsbourg de Madrid	② 1625-1629 : Intervention et défaite de Christian IV du Danemark
■ Habsbourg de Vienne	③ 1630-1632 : Intervention de Gustave Adolphe de Suède
0 500 km	④ 1635 : Intervention de la France contre l'Espagne et l'empereur
	⑤ 1642 : Occupation du Roussillon 1645 : Victoire française de Rocroi 1645-1648 : Campagne en Allemagne de Turenne et des Suédois

Тридцатилетняя война 1618–1648 годов

на путь промышленного развития, сформировались нации — государства с жесткой централизованной династической вертикальной властью. С этого времени европейская история начинает превращаться в мировую историю. Более того, в настоящее время Европа совместно с США практически определяют мировую политику и «делают» мировую историю.

Тридцатилетняя война 1618–1648 годов — ключевых принципов: «принципа национального государственного суверенитета», когда каждое государство обладало всей полнотой власти на своей территории. Для этой системы на первом этапе была характерна деидеологизация, то есть устранение конфессионального фактора как одного из основных факторов политики. Межгосударственные союзы в новых условиях становились более гибкими и ситуативными. Смена партнёра или партнёров по коалиции стала не таким уж редким явлением. Суть её сводилась к тому, чтобы политическим или дипломатическим маневром не позволить какому-либо одному европейскому государству или коалиции государств аккумулировать силы, значительно превосходящие мощь их вероятных соперников (противников).

Основными принципами Вестфальской системы международных отношений являлись:

- приоритет национального интереса;
- принцип баланса сил;
- приоритет государств-наций;

- принцип государственного суверенитета.

В свою очередь принцип государственного суверенитета определял:

- право требовать невмешательства в свои дела;
- равенство прав государств;
- обязательство выполнять подписанные договоры;
- принцип действия международного права и применения дипломатии в международных отношениях. Соблюдение договоров стало важнейшим элементом такой практики, а международное право и регулярная дипломатическая практика — неотъемлемым атрибутом отношений между государствами.

Очевидно, что принципы Вестфальской системы являются идеалом, своеобразным эталоном отношений между государствами. К сожалению, на протяжении всей истории современной цивилизации данные принципы полностью реализованы не были и в дальнейшей истории человечества реализованы не будут. Вечный мир на нашей планете — это иллюзия и даже утопия. Человеку по своей природе характерно стремление к наживе, насилию, порабощению, подавлению слабого.

В то же время с политологической точки зрения, система Вестфальского мира (суверенных государств) частично существует и в настоящее время, однако с исторической — она окончательно распалась (либо в начале XVIII века, либо с созданием империи Наполеона в начале XIX века).

Впервые о создании сбалансированного общества говорил ещё древний китайский философ Конфуций (551–479 до н. э.). Конфуцианство часто называют религией, однако в нём нет института церкви, и для него не важны вопросы теологии. Конфуцианская этика не религиозна, скорее всего, она атрибут геополитических отношений. Идеалом конфуцианства является создание гармоничного общества по древнему образцу, в котором всякая личность имеет свою функцию. Гармоничное общество построено на идее преданности — лояльности в отношениях между начальником и подчинённым, направленной на сохранение гармонии и самого этого общества. Конфуций сформулировал золотое правило этики:

Конфуций (551–479 до н. э.)

«Не делай человеку того, чего не желаешь себе». В идеале это правило могло бы стать важнейшей нормой современных международных отношений.

Геополитические концепции впервые зародились в Европе и Америке в рамках различных национальных научных школ и научных подходов в конце XIX – начале XX века.

Основатели этих концепций и геополитических научных школ

в первую очередь исходили из представлений своего времени о влиянии географического положения, климата и исторического пути на становление и развитие этносов и государств, на формирование их внутренних и внешних политик.

В этот же период сформировалась геополитика как наука. Ее появление было обусловлено в первую очередь потребностью переосмысления новых политических реалий в отношениях между государствами, характерных для этого переломного исторического периода. Сегодня наш мир в очередной раз принципиально изменился, что в свою очередь требует пересмотра основополагающих геополитических концепций.

Геополитика, как и другие науки об обществе и природе, изучает законы становления, функционирования и развития социальных, этнических, экономических, географических, политических, военных и других систем. По мнению отдельных специалистов, главным законом, который более всего отвечает целям, проблемам и задачам этой науки, является закон фундаментального дуализма, проявляющийся как в географическом устройстве планеты, так и в исторической типологии цивилизаций. Например, западные ученые Р. Челлен и А. Мэхэн, Х. Маккиндер и К. Хаусхофер, а также русские исследователи этой проблемы Н. Я. Данилевский и В. П. Семенов-Тянь-Шанский, П. Н. Савицкий и Л. Н. Гумилев и др. считали, что фундаментальный дуализм

выражается в противопоставлении сухопутного могущества (теллурократии) и морского могущества (талассократии). Первое проявляется в виде военно-авторитарной цивилизации (например, Древняя Спарта, Древний Рим), второе — торговой цивилизации (Древние Афины и Карфаген). Мировой опыт свидетельствует, что военно-авторитарная цивилизация устойчивее. Более подробно точки зрения выдающихся ученых-геополитиков и их научных школ будут представлены ниже.

По мысли родоначальников геополитики, особенно А. Мэхэна и Х. Маккиндера, дуализм изначально несет в себе семена враждебности, которые, падая на хорошо подготовленную политическую и военную почву, обуславливают непримиримую вражду двух стихий, двух типов культурно-исторических цивилизаций (демократии и идеократии).

Сухопутное могущество, или теллурократия, характеризуется четко обозначенными границами, фиксированным пространством, способами жизнедеятельности населения, устойчивостью его качественных жизненных ориентаций. В первую очередь такими жизненными ориентациями, как оседлость, ограниченность в выборе приложения труда, консерватизм, строгие нравственные или юридические нормы и законы, которым подчиняются все индивиды, группы людей, роды, племена, народы, страны, империи. Суша — это то, что всегда прочно, устойчиво, твердо. Такая твердость якобы формирует в свою очередь твердость морали и законов, твердость нравов и традиций. Нравы закрепляются в общественном сознании, передаются по наследству, формируется кодекс этических норм, принципов. Это проявляется, в частности, и в том, что сухопутным народам, особенно оседлым, близко чувство коллективизма, а не индивидуализма, чужд дух предпринимательства, наживы. В управлении большими и малыми группами главным принципом является иерархичность.

Морское могущество, или талассократия, по мнению автора этой концепции А. Мэхэна, — совершенно противоположный тип цивилизации. Талассократия, или торговая цивилизация, более динамична и восприимчива к техническому прогрессу. Ей присущ дух индивидуализма, наживы, предпринимательства. Эти и дру-

гие качества индивида или группы индивидов предопределяет море, требующее такого типа личности, который может выжить в экстремальных условиях, личности, склонной к романтизму, разумному риску, самопожертвованию. Поэтому индивидуум, способный на предприимчивость и нестандартные решения, представляет для торговой цивилизации высшую ценность. Следовательно, в такой цивилизации нравственные и юридические нормы, принципы, законы становятся относительными. В России вообще на протяжении практически всей её истории нравственные начала главенствовали над юридическими нормами и законами. Мы по своей природе в значительной степени нигилисты.

Подобный тип цивилизации развивается активнее, чем теллурократический, легко меняет нравственные и культурные ценности, признаки, сохраняя только одну основную установку — стремление вперед, к новым открытиям, приключениям, развитию, расширению территорий, наживе и процветанию.

Занимаясь данной проблемой, авторы столкнулись с парадоксальной ситуацией – единственной страной мира, которая до настоящего времени однозначно не определилась в оценке первичности сухопутного или морского могущества, является РФ. Отсюда вытекают и наши многочисленные проблемы во взаимодействии с Мировым океаном и формировании морской политики. **Нам нужен объективный, научно обоснованный ответ на вопрос, является ли Россия подлинным морским государством?** Только при положительном ответе можно говорить о проблемах формирования в народе истинного морского мировоззрения. Мы до настоящего времени до конца не осознаем, к какому типу цивилизации относится наше государство. Постоянно звучащие заявления о том, что Россия – Великая морская держава — не более чем благие намерения, которые не подкреплены соответствующей государственной политикой.

Столетиями континентальные цивилизации (суша) — Спарта, Афины, Рим — довели над морскими цивилизациями. Однако революционное развитие техники и технологий (повышение уровня кораблестроения, создание первого флота открытого моря, совершенствование оружия и вооружений, разделение об-

щественного труда и, следовательно, развитие товарообмена и торговли) объективно усиливали в первую очередь позиции моря, а, следовательно, и позиции морских цивилизаций. Сегодня позиции морских цивилизаций имеют явные преимущества, становясь по своей сути главенствующими. Определяющий акцент современных мировых международных отношений, своеобразная «кухня» геополитики сместились в Мировой океан. В нем будущее нашей общей цивилизации. Следовательно, активное, защищенное присутствие в нем нашего государства обязательно и определяет императив нашего процветания в XXI веке.

Отсюда вытекает другой закон геополитики: усиление фактора пространства в человеческой истории. Это особо подчеркивает А. Мэхен в работе «Влияние морской силы на историю». В частности, он замечает, что английская нация обязана своим величием морю более, чем всякая другая. Рост влияния талассократии начинается вместе с эпохой Великих географических открытий, а достигает вершины своего могущества в конце XX в., когда англосаксонский капитализм и индустриализм сформировались как единый комплекс. Гласным оплотом талассократии с середины XX в. становятся США. В середине XX в. геополитический дуализм достиг своего апогея, причем теллуократия отождествлялась с СССР, а талассократия — с США и подконтрольными им государствами и сферами влияния. Сегодня у России без моря нет будущего. Это необходимо не только понимать, но и ставить во главу как внешней, так и внутренней политики РФ.

В качестве производного основного закона геополитики — дуализма талассократии и теллуократии — можно с определенной долей условности назвать закон синтеза суши и моря, который предполагает наличие так называемой «Береговой зоны». Понятие «Береговой зоны» является одним из ключевых понятий в геополитике. «Береговая зона», или Rimland, — фрагмент талассократии или теллуократии. Влияние моря предопределяет в «Береговой зоне» более активное развитие, чем на суше, поэтому она более сложное политико-экономическое и культурное образование. Rimland напоминает одновременно, как считает известный российский общественный деятель, философ, политолог, социо-

лог и геополитик А. Дугин (1962), «остров и корабль», а с другой стороны — «Империю и Дом». По его мнению, Rimland — «сложная реальность, имеющая самостоятельную логику и в огромной мере влияющая как на талассократию, так и на теллурократию». «Береговая зона» выступает как относительно самостоятельный субъект истории со своей волей и судьбой, но реализуются они в рамках геополитического дуализма.

Таким образом, Rimland выступает поясом, пограничной зоной, своеобразной границей. В геополитике термин «границы» несет иную смысловую нагрузку, по сравнению с понятием границы между государствами. «Морские пришельцы» или сторонники концепции «морского могущества» видят берег не как линию для самого материка, а как территорию, которую можно и нужно отторгнуть от континента, превратить эту территорию в базу, торговый и (или) военный анклав, своеобразную стартовую платформу, необходимую для дальнейшего наступления на сушу.

Понятие «геополитика» первым ввел в научное обращение шведский ученый, историк Р. Челлен (1864–1922). Впервые термин «геополитика» Р. Челлен использовал в работе «Государство как форма жизни» («Staten som Lifform», в немецком переводе «Der Staat als Lebensform»). Труд был написан под влиянием идей немецкого мыслителя, классического филолога, создателя самобытного философского учения Фридриха Ницше (1844–1900) и немецкого экономиста, социолога и историка, философа культуры Вернера Зомбарта (1863–1941). Книга вышла в свет в Стокгольме в 1916 г.

Выступающую под этим именем, вновь созданную науку Р. Челлен определил как доктрину, рассматривающую государство как географический организм или пространственный феномен.

Вскоре геополитика стала предметом научных интересов целого ряда ученых. При этом каждый исследователь вносил и сегодня вносит в это важнейшее понятие свою определенную точку зрения и точку зрения своей национальной школы.

В настоящее время сформировался достаточно широкий круг представителей различных национальных школ геополитиков. Наибольшую известность в мире получили следующие геополитики и национальные научные школы.

Немецкая геополитическая научная школа:

- Карл Хаусхофер;
- Фридрих Ратцель;
- Карл Шмитт;
- Александр Рар;
- Э. Банзе;
- В. Зиверт;
- К. Росс;
- Й. Кюн;
- Р. Хенниг;
- К. Фовинкел и др.

Юхан Рудольф Чёллен
(1864–1922)

Французская геополитическая школа:

- Видаль де ля Блаш (1845–1918);
- Ив Лакост;
- Эмерик Шопрад;
- А. Демажон;
- Ж. Готтманн и др.

Английская геополитическая школа:

- Хэлфорд Дж. Маккиндер.

Американская геополитическая школа:

- Альфред Тайер Мэхэн;
- Хантингтон, Элсуорт (1876–1947);
- Николас Спикмэн;
- Збигнев Бжезинский;
- Хантингтон, Сэмюэл Филлипс;
- Дмитрий Саймс;
- Киссинджер, Генри;
- Фридман, Джордж и др.

Современными последователями Н. Спикмена по праву признаны Д. У. Мэйниг, У. Кирк, С. Б. Коен, К. Грэй, Г. Киссинджер.

Советская и Российская научная геополитическая школа:

- Николай Николаевич Яковлев;
- Алексей Леонтьевич Нарочницкий;
- Александр Игнатьевич Палий;
- Николай Семёнович Мироненко;

- Николай Яковлевич Данилевский;
- Константин Николаевич Леонтьев;
- Лев Ильич Мечников;
- Сергей Николаевич Южак;
- Владимир Иванович Ламанский;
- Иван Иванович Дусинский;
- Алексей Ефимович Вандам;
- Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский;
- Георгий Валентинович Плеханов;
- Пётр Николаевич Савицкий;
- Вадим Леонидович Цымбурский;
- Александр Гельевич Дугин;
- Леонид Григорьевич Ивашов;
- Валерий Леонидович Манилов;
- Евгений Петрович Бужинский;
- Александр Сергеевич Синайский;
- Константин Валентинович Сивков;
- Ольга Николаевна Четверикова;
- Наталья Алексеевна Нарочницкая и др.

Существенный вклад в геополитику как в науку внесла германская геополитика (Geopolitik). Она выросла из интеллектуальной традиции Пруссии и Второго рейха, которая рассматривала использование физической силы в качестве *prima ratio* (первого аргумента) в отношениях между государствами. Как отмечал крупный немецкий историк, литературный критик, профессор, а также политик, проследивший эволюцию от либерализма до консерватизма, Г. Трейчке (1834–1896), триумф сильного над слабым составляет неискоренимый закон жизни. В современном мире этот закон торжествует в полной мере, везде и во всем. В мире сегодня говорят только с позиции силы, и силовой аргумент является самым убедительным. Авторитетом обладает только сильный политический игрок, имеющий самостоятельную геополитическую точку зрения. К сожалению, это проза жизни: если я сильный, значит, я прав.

Авторы отмечают, что, несмотря на блистательную дипломатию О. Бисмарка, Второй рейх был обязан своим возникновением

могуществу Пруссии. Синтез идеологических германских мифов с современной индустриальной и, что самое главное, с военной мощью дал начало государству, в котором на первое место ставились патриотизм, героизм, агрессия, сила и господство. Пруссия уподоблялась вооруженному лагерю в центре враждебного окружения. Постепенно сформировалась территориальная концепция обширной и могущественной Центральной Европы, так называемая *Mitteleuropa*, руководимая Германией.

Генрих фон Трейчке
(1834–1896)

Эти идеи получили наиболее законченное выражение в книге немецкого географа Й. Парча «*Mitteleuropa*» («Срединная Европа»), которая была опубликована в 1906 г., а также в работе популярного публициста, либерального общественного и политического деятеля Фридриха Наумана (1860–1919). Книга Ф. Наумана «Срединная Европа» была издана в 1915 году, в разгар Первой мировой войны (Науман Ф. Срединная Европа. М., 1918).

Ф. Науман видел такое устройство послевоенной Европы, при котором будут две «великие китайские стены» военного и экономического характера, простирающиеся с севера на юг через весь континент: одна — между Германией и Францией, а другая — между Германией и Россией. Ф. Науман был озабочен тем, чтобы не допустить появления третьей стены (между Австро-Венгрией и Германией), которая могла ослабить обе страны. При этом Ф. Науман настойчиво обосновывал идею о необходимости присоединения к Срединной Европе балканских государств и Италии. Он предлагал создать нечто вроде сверхгосударства (*Oberstaat*) в форме довольно рыхлой конфедерации, занимающейся прежде всего экономическими и оборонными вопросами. В качестве важного условия реализации своего проекта Ф. Науман выдвигал формирование наднациональной центральноевропейской идентичности. Естественно, господствующее место в предполагаемом сверхгосударстве отводилось Германии.

Ангела Меркель

Карл Шмитт (1888–1985)

Сегодня идеи создания могущественной Европы под руководством Германии активно проводит в жизнь канцлер Германии Ангела Меркель. Аналитики обоснованно считают политического лидера Германии талантливым геополитиком и ярким сторонником идей немецкой геополитической школы. Авторы присоединяются к мысли о том, что Европа может быть сильной только под эгидой Германии. Скорее всего, это объективная реальность.

Однако авторы ещё раз подчеркивают, что наибольший вклад в разработку германской геополитики внес сын генерал-майора германской армии, профессор К. фон Хаусхофер (1869–1946).

Активный геополитический центр континенталистской ориентации существовал и ныне существует и в Италии. В Италии после Второй мировой войны, больше чем в других европейских странах, получили распространение идеи политолога Карла Шмитта (1888–1985), и благодаря этому, своеобразный геополитический образ мышления стал

в этой стране весьма распространенным.

К. Шмитт является автором многих научных трудов, например, среди них можно выделить популярную работу «Море против земли». Среди множества тем, научной разработкой которых занимался Карл Шмитт, особое место занимает апологетика государства и исследование проблем политической этики. Пристальный интерес к таким исследованиям был обусловлен в первую очередь историческими причинами, глубиной того политического и экзистенциального кризиса, в который попала уже сложившаяся немецкая нация между двумя Мировыми войнами.

Согласно теории К. Шмитта, только сильное государство способно предоставить больше свобод каждому отдельному индивиду, и чем сильнее такое государство, тем шире поле для реализации своей свободы. Сегодня мир это наблюдает на примере США, где демократия понимается исключительно по-особому, реализуясь повсеместно в двойных стандартах.

К. Шмитт предвидел, что терроризм фундаменталистских групп станет в XXI в. той реальной силой, которая заставит по-новому взглянуть на все существовавшие способы геополитического передела мира.

Разрабатывая гипотезу Больших пространств, К. Шмитт считал принцип имперской интеграции выражением логического и естественного человеческого стремления к синтезу: человеку свойственно обобщать свои представления о мире. В свою очередь **для государства характерно стремление к максимальному охвату территорий**. В борьбе за контроль над пространством решающее геополитическое значение имеет экономическое проникновение, принятие несколькими государствами единой культуры. Большое пространство находится под господством государства, имеющего национальную или государственную идею-силу. В качестве примера Большого пространства К. Шмитт рассматривал, например, пространство двух Америк, объединенных идеей-силой — доктриной Монро.

Выбор в качестве объекта исследований двух Америк не является случайным. В истории США можно отметить стремление к строительству Североамериканской империи. В 1803 г. США купили у Франции Луизиану. В 1812 г. североамериканцы попытались завоевать Британскую Северную Америку (на территории Канады), но потерпели поражение со стороны Британии, а в 1845 г. после войны против испанской Мексики присоединили к себе Техас. Это положило начало экспансии в Тихом океане: в 1850 г. в состав Соединенных Штатов была включена Калифорния.

Рост богатства и вооружения дал толчок идее, что Соединенным Штатам принадлежит естественное право на территории Нового Света или, по крайней мере, моральная обязанность взять их под защиту. В 1823 г. американский президент Джеймс

Монро (1758–1831) заявил, что США не потерпят европейской колонизации западного полушария и любую попытку проявить здесь свое влияние будут считать враждебным актом. Эта доктрина Д. Монро была выражением интересов национальной безопасности и неограниченной американской экспансии.

Применительно к Германии, как считал К. Шмитт, немецкое Большое пространство должно опираться на пангерманскую идею.

Геополитические идеи К. Шмитта оказались достаточно востребованными практикой, они были пророческими. В своих исследованиях он сумел предсказать многие ключевые изменения в геополитике XX века и начала XXI века.

Кроме востребованных идей К. Шмитта, именно в Италии в максимальной степени было развито националистическое движение «Юная Европа» Жана Тириара (1922–1992), и, соответственно, были популярны идеи континентального национал-большевизма.

В 60-е годы Жан Тириар открыто декларировал приверженность идее вооруженной борьбы за «освобождение Европы от атлантизма». В 1963 г. в издаваемом «Молодой Европой» журнале *Nouvelle Europe* («Новая Европа») была сформулирована концепция создания сети «Европейских освободительных бригад», по образцу оперативной сети французской подпольной организации OAS. Целью должна была стать широкомасштабная компания партизанско-террористической борьбы против НАТО.

Жан Тириар (1922–1992)

Идеи Ж. Тириара были изложены в книге «Евро-Советская империя от Владивостока до Дублина», вышедшей в 1984 году. По мнению Ж. Тириара, СССР оставался последним независимым государством в Европе (при этом Европа рассматривалась как пространство от Атлантики до советского Дальнего Востока). Следовательно, «евро-

Евро-Советская Империя (согласно Жану Тириару)

пейским странам нужно уступить Советскому Союзу политическую гегемонию для противостояния общему врагу — США, подобно тому, как знаменитый афинский оратор Исократ (Исократ — от авторов) призвал греков подчиниться македонцам ради общей борьбы с персами». Такую идею, скорее всего, также преследовал выдающийся политический деятель современности И. В. Сталин (1879–1953).

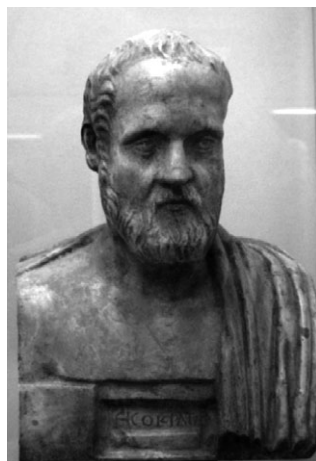
Важнейшим произведением Исократа является его фундаментальный труд «Панегирик». В «Панегирике», который был издан после Анталкидова мира (387), Исократ советует эллинам прекратить раздирающие их распри и войны. При этом соединённые силы Эллады он предложил направить на общего врага, царя персов, с предоставлением морской гегемонии афинянам, а сухопутной — спартанцам. Предлагая повторить старый, к сожалению, ранее не удававшийся опыт, Исократ в первую очередь перечислением заслуг Афин перед эллинами только раздражал лакедемонян и затруднял мирное соглашение между двумя государствами. С этого времени Исократ не переставал проповедовать мир в среде эллинов, борьбу эллинов против персов и завоевание Востока, где могли бы поселиться многие нуждающиеся эллины (XII, 11 сл., 74–76, 119–121 и др.).

Важным выводом из данного произведения Исократ является то, что он впервые выделил «морскую и сухопутную гегемонию», т. е. морскую и сухопутную цивилизации в контексте единой геополитики.

По словам Ж. Тириара, «чтобы помешать рождению политической единой Европы, они (США — от авторов) делают все, что можно, например, чтобы сохранить ее под опекой НАТО, посылают британского троянского коня, стерилизуют Европу, лишая ее атомной промышленности. Наконец, они делают все возможное, чтобы избежать сближения СССР с Европой» (Дугин А. Г. Жан Тириар: сумерки героев. / Консервативная революция. М.: 1994).

Своеобразным рупором итальянской школы геополитики является К. Террачано, который исповедует идеи европейского континентализма, вплотную примыкающие к евразийству. Он считает, что судьба Европы целиком и полностью зависит от судьбы России и Евразии, а также от Востока.

К. Террачано разделяет идею единого Евразийского государства, «евросоветской Империи от Владивостока до Дублина», что сближает его с Ж. Тириаром и А. де Бенуа. Вместе с тем, К. Террачано считает, что важнейшую роль в борьбе с атлантизмом должен сыграть исламский мир, особенно такие

Афинский оратор Исократ
(241–339)

антиамериканские режимы, как иранский, ливийский, иракский и т.д. Для К. Террачано исламский мир является выразителем континентальных геополитических интересов. При этом он рассматривает в качестве позитивной именно «фундаменталистскую» версию Ислама.

Окончательная формула, которая резюмирует геополитические взгляды К. Террачано, такова: Россия (heartland) + Ислам, ведущие борьбу с США (атлантизм, мондиализм). Европу он рассматривает в качестве плацдарма русско-исламского антимондиалистского блока.

Только в этих условиях возможно, по его мнению, европейское возрождение.

В настоящее время определенный акцент продуманной борьбы США направлен против Евросоюза. Основные надежды на его разрушение американцы связывают в первую очередь с выходом из Евросоюза Англии. Желание Англии выйти из Евросоюза сегодня находит поддержку уже и внутри страны. Например, член палаты представителей британского парламента М. Реклесс откровенно заявляет: «Нам не нужен Евросоюз». По его мнению, «ЕС, по сути, является антидемократическим образованием». Авторам интересно, где же английский чиновник столь высокого уровня в современной геополитике вообще мог узреть демократию в полном смысле этого понятия, демократию, представляющую собой политический режим, в основе которого лежит метод коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса.

В этом отношении обращает на себя внимание работа старшего научного сотрудника Фонда Карнеги Р. Кейгана, в которой автор рассматривает серьезные различия в американской и европейской геополитике.

Р. Кейган подчеркивает, что Америка и Европа в своих геостратегических приоритетах расходятся по самому главному вопросу — военной силе, ее эффективности, моральности и целесообразности ее использования или применения. Европа чаще всего не приемлет военную силу как главное средство геополитики или обходит ее стороной, «вступая в самодостаточный мир законов, правил, международных переговоров и сотрудничества». Р. Кейган пишет, что Европа стоит на пороге постисторического рая, в котором господствует мир и относительное процветание — своего рода воплощение идеи Канта о «вечном мире».

Напротив, **США по-прежнему используют свою силу в анархическом гоббсианском мире, где нельзя полагаться на нормы международного права.** Именно поэтому у американских и европейских геополитиков сегодня достаточно мало точек соприкосновения, и они с трудом понимают друг друга. Американские и европейские интеллектуалы утверждают, что

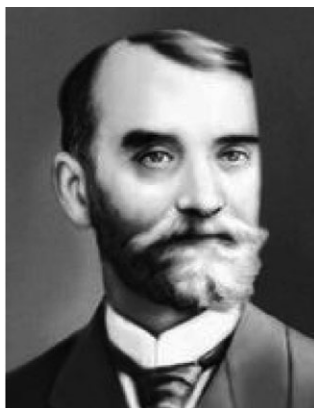
у них нет больше общей «стратегической культуры». Европейцы нередко изображают Америку как страну, где господствует «культ смерти», правит смертная казнь и у «каждого есть свой пистолет».

При этом видение мира европейских политиков намного сложнее и богаче нюансами: они пытаются оказывать влияние на других с помощью искусной политики и маневров, они более терпимы и гуманны, предпочитая опираться на возможности дипломатии и убеждения. Р. Кейган не видит в этих различиях американской и европейской стратегий социокультурных разногласий Америки и Европы, он склонен рассматривать их в конкретно-историческом плане: как проявление силы и слабости военно-экономического потенциала.

Специалисты отмечают, что с такой позицией Р. Кейгана трудно согласиться: различия культур Европы и Америки дают аргументы для обоснования стратегических разногласий с позиций социокультурного анализа. Однако гораздо важнее подчеркнуть, что сегодня геополитики по обе стороны Атлантики все острее чувствуют глубокие исторические разногласия по вопросу о кардинальных целях и принципах геостратегии. К сожалению, гуманистический курс Европы вызывает у американцев только чувство раздражения. Генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон даже назвал европейцев «военными пигмеями», пытаясь пристыдить их за то, что они не хотят нести чрезмерных расходов на вооружение. Остается только надеяться, что все возрастающая мощь объединенной Европы заставит американцев с большим уважением относиться к принципам гуманизма, законности и международного права, которыми руководствуются многие европейские государства и в первую очередь РФ.

Учитывая особенность французской геополитической школы, подчеркнем её отдельные отличительные стороны. Признанным лидером французской классической школы геополитики по праву является Поль Видаль де ла Блаш (1845–1918) — французский географ и геополитик, классик и один из основателей мировой школы географии человека.

Зарождение и становление геополитики во Франции проходило в обстановке франко-германского противостояния, поражения Франции в войне 1870–1871 гг. Соответственно французская геополитика развивалась как антитеза немецкой. В частности, Видаль де ла Блаш построил свои геополитические теории на критике Ф. Ратцеля и его последователей. Другие представители французской геополитики — Ж. Ансель, А. Демажон, Ж. Готтманн систематически критиковали германских геополитиков за экспансионизм, оправдание империализма и пангерманизма и вообще за попытки оправдания идеи господства одной нации над другой.

Поль Видаль де ла Блаш
(1845-1918)

Специфика французской внешней политики последних веков может быть представлена как проекция проблем, возникающих в результате двойственного географического положения Франции в Европе. С одной стороны, Франция — континентальная держава, претендующая в течение столетий на особое место на континенте и конкурирующая по силе с Германией. С другой — Франция во все времена претендовала и на роль морской державы. Этот дуализм геополитического положения Франции рождал на протяжении длительного исторического периода двойственность ее основных внешнеполитических ориентаций. Однако морская ориентация Франции все-таки существовала скорее как возможная альтернатива, становившаяся особенно актуальной в периоды ослабления позиций Франции на континенте. Изменение баланса сил в Европе неизбежно вызывало попытки со стороны Парижа использовать свои возможности и как морской, и как континентальной державы. Так, реальная динамика соотношения сил на континенте между ведущими державами обусловила довольно быструю переориентацию внешнеполитической активности Франции в эпоху Наполеона от дальних морских походов (египетский поход) к экспансии на континенте. В настоящее время двойственность политики

Франции сохраняется. В то же время Франция уделяет исключительное внимание развитию национальных ВМС.

Продолжая традиции, заложенные Видаль де ла Блашем, французский геополитик Ж. Ансель в книге «Геополитика» (1936) акцентировал внимание на проблеме границ. По его мнению, идея «естественных границ» осталась лишь теоретической, абстрактной схемой, не соответствующей реальности. Рассмотренные Ж. Анселем исторические примеры подтверждают его мысль о том, что практически нет каких-либо физико-географических условий, будь то реки, горы, моря, пустыни, которые являлись бы естественными барьерами для человеческой активности и стали бы естественной границей того или иного сообщества. Например, Пиренеи, разделяющие Испанию и Францию, — это отнюдь не естественная природная граница, так как она проходит не по главным хребтам, не по водоразделу рек, не по лингвистическому или этническому признаку. Единственный естественный барьер, как подчеркивает Ж. Ансель, — это отсутствие людей, рубеж ойкумены, как, например, северная граница России. Ж. Ансель утверждал: «Граница в действительности — это результат равновесия между жизненными силами двух народов. Она не имеет абсолютной ценности. Граница имеет лишь относительную ценность в соответствии с функцией, которую она должна выполнять по мнению групп, которых она объемлет и которые стремятся ее поддерживать». Такая точка зрения весьма применима для обоснования целесообразности практически любой агрессии, направленной против любого государства, особенно против государства, богатого природными ресурсами.

Обеспокоенность снижением геополитической роли Европы — лейтмотив творчества не менее известного французского геополитика А. Деманжона. Альберт Деманжон (1872—1940) — ученик Видаль де ла Блаша. Он окончил Высшую школу (Ecole Normale Supérieure) в Париже. Как исследователя-геополитика А. Деманжона интересовали геополитические изменения, которые произошли после Первой мировой войны.

В книге «Упадок Европы» (1920) он, например, анализирует причины снижения роли Европы в международных делах. В част-

ности, он первым говорит о подъеме США до уровня мирового гегемона, о Японии как региональной доминанте в пределах «Нового Средиземноморья» — Тихоокеанского региона, называемого им «местом встречи Запада и Востока». Значительную опасность для Европы уже в то время А. Деманжон видел в милитаризации исламского мира. А. Деманжон был обеспокоен упадком Европы и видел мир триполярным: США, Япония и объединенная Европа, идея которой широко обсуждалась в 1920-е годы [Demangeon, 1920].

Упадок Европы можно было бы предупредить путем кооперации, объединения государств. Создание столь большого количества государств в Европе после Первой мировой войны он считал шагом назад, ведущим к автаркии и будущим конфликтам. Английский геополитический словарь называет А. Деманжона «категорическим протагонистом европейской кооперации» [Dictionary, 1994, p. 62].

В центре внимания европейских геополитиков, в том числе и французских, после Второй мировой войны находились новые факторы, изменяющие геополитическое пространство. В первую очередь, сила человеческого духа, внутренняя связь между политикой и борьбой интересов и идей в рамках различных пространств, ибо само пространство представляется как символическая реальность, складывающаяся в процессе взаимодействия людей.

Основателем относительно нового иконографического направления в политической географии и геополитике считается французский географ Жан Готтманн (1915–1994). Его заслуга состоит в том, что он впервые ввел в оборот термин «иконаграфия пространства». Буквально «iconographies» означает систему символов, используемых в иконописи, где символы передают смысл иконописного образа. По Ж. Готтманну, «iconographie régionale» есть выражение представлений о картине окружающего мира, общества определенного самоорганизованного пространства, которое сформировалось под воздействием религиозной, национальной, культурной и социальной истории этого пространства. Иконография пространства (территории) включает произведе-

ния искусства, архитектуры, а также все символы-формы общественной жизни и быта.

В книге «Политика государств и их география» (1952) Ж. Готтманн не только подверг критике творческое наследие отцов-основателей геополитики — Ф. Ратцеля, К. Хаусхофера, Дж. Маккиндера, Н. Спайкмена и других геополитиков, но и осуществил пересмотр отдельных положений классической геополитики. В результате анализа Ж. Готтманн пришел к выводу, что классическая геополитика в целом представляла собой науку о войне. По его мнению, к такому выводу подводит опыт государственного строительства фашистской Германии, где на практике были применены многие идеи Ф. Ратцеля и его последователей.

Ж. Готтманн пытался переосмыслить основные постулаты геополитики. Суть его предложений состояла в следующем.

Произошла переоценка роли пространства и его свойств. Считая пространство по-прежнему главной категорией геополитики, он пытался доказать, что размеры территории государства далеко не пропорциональны его мощи. Подтверждением этому тезису был тот факт, что европейские державы (Нидерланды, Испания) с довольно ограниченной территорией в течение веков доминировали в мире и смогли создать империи, размеры которых многократно превышали территории метрополий.

На первый план Ж. Готтманн ставил географическое положение государства и его организацию. По Ж. Готтманну, «географическое положение» государства определяется отношением к основным коммуникационным линиям и потокам, приуроченным к ним движениями людей, армий, товаров, капиталов, идей. В связи с этим, Ж. Готтманн считал, что центральным понятием должно стать понятие «циркуляция пространства» («circulation of communication»).

Организация пространства (в частности, дихотомия «Моря и Суши», океанических и континентальных государств) влияет на характер связи человека с пространством. Морским государствам, считал Ж. Готтманн, в отличие от континентальных, свойственна большая свобода, терпимость и меньшая склонность

к автаркическим и абсолютистским формам организации. Многие в этих положительных свойствах морских стран определяется характером их коммуникационных связей. **С момента зарождения цивилизации море было главной ареной связей, контактов.** Море связывало самые различные географические районы, что расширяло кругозор жителей морских стран. Свобода мореплавания, подтвержденная, например, римским правом, давала большие преимущества морским государствам, способствуя использованию опыта других стран, заимствованиям и отбору вариантности развития. Континентальные государства имели в своей истории менее дифференцированные, менее интенсивные и менее разнообразные контакты и обмены, из чего вытекают характерные устойчивые черты континентального развития.

Формы политической, общественной и частной жизни, наблюдаемые и организованные в пространстве, являются результатом иконографии пространства, представляющей собой различные пространственные картины мира и отдельные представления о формах пространства. Они конструируются в процессе влияния религий, традиций, исторического опыта и обычаев, разных социальных моделей, характерных для определенных территорий с особой неповторимой культурой.

Французский военный теоретик и стратег П. Галлуа (1911) в историческом плане разделил эволюцию геополитической мысли на три этапа:

1. Этап протогоеополитики. Он длился от начала человеческих обществ до первой промышленной революции;

2. Этап, основным содержанием которого было преобразование природы, которое выражалось большей частью в ее хищнической эксплуатации. Он продолжался от первой промышленной революции вплоть до XX века;

3. Этап неконфронтационной геополитики, характерной чертой которого стала месть природы человеческому обществу за безудержное уничтожение ее богатств и разнообразия. На этом этапе появилась насущная необходимость в выработке общемировой геополитики, направленной на выживание природы и цивилизации.

В 1960 году в Париже вышла наиболее известная работа П. Галлуа «Стратегия в ядерный век», переведенная на русский язык и изданная в Москве (1962). В своих военно-стратегических и геополитических положениях и выводах П. Галлуа исходил из провозглашенной в январе 1954 года государственным секретарём США Дж. Даллесом (1888–1959) доктрины «сдерживания коммунизма». Суть доктрины Дж. Даллеса заключалась в недопущении роста геополитического влияния коммунистических идей и СССР путем окружения территории социалистического лагеря военными и военно-морскими базами, создания антикоммунистических военно-политических блоков, борьбы с коммунистическими партиями в некоммунистических странах.

В работе «Геополитика. Пути власти» («Geopolitique. Les voies de la puissance». Paris, 1990) П. Галлуа впервые выделяет проблемы, которые не были исследованы классической геополитикой. Среди них — массовые явления в политике, оказывающие влияние на принятие важных геополитических решений, повышение роли средств массовой информации.

Таков далеко не полный вклад французских ученых в развитие основ геополитики.

Вернемся к одному из руководителей французской геополитической школы. Первой геополитической работой Видаля де ла Блаша стала «Картина географии Франции» (1903), в ней автор обращался к отношениям почвы и человека. Он отмечал, что в тех странах, где люди селятся с незапамятных пор, эти отношения приобретают постоянный, устойчивый и непрерывный характер. Человек становится верным учеником почвы, которая оказывает определенное влияние на характер, нравы, предпочтения населения. Таким образом, культура формируется под воздействием географического фактора, и в этом Видаля де ла Блаш всецело согласен с Ф. Ратцелем, но последний, по мнению французского геополитика, явно переоценил влияние географической среды и недооценил человеческий фактор. Человек, по Видаля де ла Блашу, тоже является географическим фактором, но при этом он наделен инициативой и предприимчивостью.

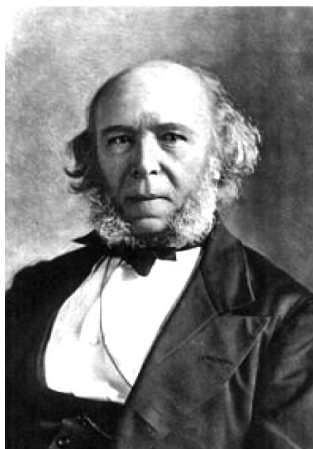
Подобную мысль в свое время уже высказывал английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма,

идеи которого пользовались большой популярностью в конце XIX века, основатель органической школы в социологии, идеолог либерализма. Г. Спенсер (1820–1903), когда он разделял животную особь (которая конкретна) и человеческую, которая дискретна, т. е. наделена свободой воли, и ее действия не подчиняются только природным законам.

В свое время Г. Спенсер предложил своеобразную классификацию государств. Например, он выделял:

- Военный тип общества — военные конфликты и истребление или порабощение побежденного победителем; централизованный контроль. Государство вмешивается в промышленность, торговлю и духовную жизнь, насаждает однообразие, пассивное повиновение, безынициативность, мешает естественному приспособлению к требованиям окружающей среды. Правительственное вмешательство не только не приносит никакой пользы, но даже прямо вредно;
- Промышленный тип — промышленная конкуренция, где побеждает самый сильный в области интеллектуальных и моральных качеств. Борьба в таком обществе — благо для всего общества, так как в результате растёт интеллектуальный и моральный уровень общества в целом; политическая свобода, мирная деятельность.
- Наихудший тип — выживание и процветание слабейших, то есть людей с низшими интеллектуально-моральными качествами, что приведёт к деградации всего общества.

С точки зрения Видаля де ла Блаша, культура, вырастающая на определенной почве, имеет две ипостаси: пространственную и временную (у Ф. Ратцеля — географическую и историческую), и в этом ученый согласен с первым немецким геополитиком. Но временная составляющая культуры, т. е. история общества, отражена в самом человеке, она

Идеолог либерализма
Г. Спенсер (1820–1903)

делает его таковым, каков он есть. В каждом человеке проявление конкретной истории. Считая пространство и рельеф главными объективными детерминантами культуры, утверждал Видаль де ла Блаш, германские геополитики принижают субъективный фактор человеческой свободы и историчности. Однако без воздействия последнего, т. е. без активной деятельности «проводника», объективное влияние природной среды дает только возможность географическому положению актуализироваться, стать политическим фактором. Итак, только через человека и посредством человека действует географический детерминизм, только человек создает или не создает возможность проявить себя внешней среде. Эта концепция в геополитике получила название «поссибилизм». В Толковом словаре обществоведческих терминов (Н. Е. Яценко, 1999) поссибилизм представляется как:

- течение в международном социалистическом движении, следующее «политике возможного». Основой поссибилизма стала теория «муниципального социализма», т. е. мирного вращивания капитализма в социализм путем реформ;
- концепция, согласно которой географические условия являются возможным, но не определяющим фактором развития культуры народов региона.

Общепризнано, что наиболее известными в мире являются концепции следующих отцов-основателей классической геополитики конца XIX — первой половины XX века:

- немецкого географа и этнолога, социолога, основателя антропогеографии, геополитики, а также теории диффузионизма Ф. Ратцеля (1844–1904);
- шведского социолога и политолога, автора термина «геополитика» Р. Челлена (1864–1922);
- выдающегося английского географа и геополитика, члена Тайного совета, основателя теории «Хартленда» Сэра Хэлфорда Джона Маккиндера (Halford John Mackinder) (1861–1947);
- американского военно-морского теоретика и историка, контр-адмирала (1906), одного из основателей американ-

ской школы геополитики Альфреда Тайера Мэхэна (Alfred Thayer Mahan) (1840 -1914);

- английского геополитика Дж. Фейргрива (дополнившего схему Д. Маккиндера (Великобритания)).

Свое геополитическое видение мира в первые десятилетия XX века предлагали также Л. С. Эмери, лорд Керзон, И. Парч и многие другие исследователи, хотя в целом их работы носили скорее эпигонский характер и не внесли ничего качественно нового, по сравнению с классиками геополитики.

По мнению известного российского геополитика А. Дугина, с самого начала появления геополитики как метода анализа международных отношений и направления в стратегической мысли (Р. Челлен, Х. Маккиндер, А. Мэхэн, К. Хаусхофер, К. Шмитт и т. д.), постоянно вставал вопрос о месте геополитики среди других дисциплин, о ее научности или «ненаучности», о строгости или произвольности ее методов, об обоснованности ее терминологического аппарата и т. д.

Институционализация геополитики была затруднена некоторыми историческими обстоятельствами, никакого отношения к сущности этой научной дисциплины не имеющими. Несмотря на то, что сам термин «геополитика» был введен шведом Р. Челленом, учеником основателя политической географии и антропогеографии немца Ф. Ратцеля, наибольшее развитие геополитика получила в англосаксонских странах, а ее основные принципы, подходы и методы были сформулированы англичанином Х. Маккиндером. Х. Маккиндер ввел основополагающую для геополитики дихотомию Море/Суша или талассократия/теллурократия, а также центральные концепты: «Heartland», «Rimland», «мировой остров», «географическая ось истории» и т. д. В англосаксонском мире – в Англии, а с 1930-х годов и в США – геополитика сложилась в самостоятельную область анализа международных отношений и стратегических исследований.

Такое обилие ученых, занимающихся проблемами геополитики, разносторонний характер их научных подходов привели к тому, что в научной и публицистической литературе были представлены и сегодня бытуют различные определения самого си-

стемного понятия «геополитика». Например, ведущий немецкий геополитический журнал «Zeitschrift für Geopolitik» («Журнал геополитики»), основанный немецким географом и социологом, основоположником германской школы геополитики, генералом К. Хаусхофером (1869–1946), дал следующее определение, которое чаще всего цитируется в работах по геополитике: «Геополитика есть наука об отношениях земли и политических процессов. Она зиждется на широком фундаменте географии, прежде всего географии политической, которая есть наука о политических организмах в пространстве и об их структуре. Более того, геополитика имеет целью обеспечить надлежащими инструкциями политическое действие и придать направление политической жизни в целом. Тем самым геополитика становится искусством, именно искусством руководства практической политикой. Геополитика – это географический разум государства».

Обобщая все высказывания выдающегося немецкого геополитика Карла Хаусхофера, можно отметить, что геополитику он определял так:

- учение «о географической обусловленности политики»;
- «учение о зависимости политических событий от земли»;
- «учение о взаимоотношениях между землей и государством»;

Генерал К. Хаусхофер
(1869–1946)

- «наука о политической форме жизни в жизненном пространстве в ее зависимости от земли и обусловленности историческим движением»;
- сама геополитика является «не наукой, а подходом, путем к познанию»;
- суть геополитики — «взаимоотношения между окружающим человека пространством и политическими формами его жизни».

Американский исследователь Л. Кристоф полагал, что геополитика покрывает область, параллельную и лежащую между политической наукой и полити-

ческой географией. Например, К. Кристоф утверждал, что «геополитика есть изучение политических явлений, во-первых, в их пространственном взаимоотношении и, во-вторых, в их отношении, зависимости и влиянии на Землю, а также на все те культурные факторы, которые составляют предмет человеческой географии ... в ее широком понимании. Другими словами, геополитика есть то, что этимологически предлагает само это слово, то есть географическая политика; не география, а именно политика, географически интерпретированная и проанализированная в соответствии с ее географическим содержанием. Как наука промежуточная она не имеет независимого поля исследования. Последнее определяется в понятиях географии и политической науки в их взаимосвязи».

Перу Л. Кристофа принадлежит следующее яркое сравнение: «Современные геополитики смотрят на карту, чтобы найти здесь не то, что природа навязывает человеку, а то, на что она его ориентирует».

Российский геополитик А. Г. Дугин отмечает: «Геополитика есть наука, изучающая отношение государства и общества к пространству».

Французский военный теоретик и военный стратег П. Галлуа считает: «Геополитика – это изучение отношений, существующих между властной политикой в международном плане и теми географическими рамками, в которых она проводится».

Различным образом определяют понятие «геополитика» и последние издания американской, британской, немецкой и международной энциклопедий.

Например, в «Энциклопедии Americana» («Encyclopedia Americana») геополитика рассматривается как наука, изучающая и анализирующая в единстве географические, исторические, политические и другие взаимодействующие факторы, оказывающие влияние на стратегический потенциал государства.

В «Энциклопедии Британика» («The New Encyclopedia Britannica») геополитика определяется следующим образом: «Геополитика – анализ географического влияния на силовые отношения в международной политике. Теоретики геополитики стре-

мились продемонстрировать важность таких факторов, как границы, доступ к морям, стратегический контроль над территориями при формировании национальной политики».

В немецкой «Брокгауз энциклопедии» («Brokhaus Enzyklopdie») приводится следующее определение геополитики: «Геополитика – область знания на пересечении государствоведения, истории и географии. Имеет своим источником политическую географию, но не идентична с ней. Швед Р. Челлен придумал термин «геополитика», который в некотором смысле соответствовал термину «политические науки». В современной англо-американской литературе понятие «геополитика» идентично понятию «политическая география» в ее прагматическом аспекте».

«Международная энциклопедия» («Encyclopedia International») определяет геополитику как «дисциплину, исследующую отношения между континентальными и морскими ареалами и политикой с целью проведения соответствующей внешней политики. Она отличается от политической географии тем, что оценивает географические условия, границы, расселение населения и подобные факторы с точки зрения интересов государства».

В «Словаре философских терминов» геополитика характеризуется как «учение о зависимости политических событий от особенностей поверхности земли, пространства, ландшафта, страны». Аналогичное определение приведено и в «Философской энциклопедии» (Философская энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1970. Т. 5).

Немецкий ученый-геополитик Отто Мауль считает, что геополитика имеет своим предметом государство не как статическую концепцию, а как живое существо. Геополитика исследует государство главным образом в его отношении к окружению — к пространству — и ставит целью решить проблемы, вытекающие из пространственных отношений. Геополитику не интересует, в отличие от политической географии, государство как явление природы, то есть его положение, размеры, форма или границы как таковые. Ее не интересует государство как система экономики, торговли или культуры. С точки зрения геополитики, простой анализ государства (физический или культурологический), даже

если он имеет отношение к пространству, остается статичным. Область геополитики, подчеркивает О. Мауль, — это пространственные нужды и требования государства, тогда как политическую географию интересуют главным образом пространственные условия его бытия. О. Мауль выделял принципиальные различия между политической географией и геополитикой: первая удовлетворяется статическим описанием государства, которое может также включать изучение динамики прошлого его развития; вторая же есть дисциплина, взвешивающая и оценивающая данную ситуацию; геополитика всегда нацелена на будущее.

В учебном пособии «Геополитика России» А. Г. Дугин пишет: «Геополитика, таким образом, находится ближе всего именно к социологии и к социологии политики. И в этом случае объектом ее изучения становится общество и общественные процессы, а предметом более узкая сфера: отношение общества к пространству, что лежит в основе как географических представлений, так и политических систем. Это становится особенно очевидным, если мы обратим внимание на «холистскую» социологию (Э. Дюркгейм, М. Мосс, М. Хальбвакс, Л. Дюмон и т. д.), оперирующую с социальными фактами как с «тотальными фактами» и подчеркивающую приоритет «коллективного сознания» над индивидуальным (в отличие от методологического индивидуализма и атомизма, свойственного либеральным теориям)».

Понятие «геополитика» находится в состоянии постоянного развития. Например, развитие геополитических взглядов применительно к ядерной эре мы встречаем у представителя американской школы геополитиков Колина С. Грея, посвятившего этой проблеме несколько работ. В трудах К. С. Грея в первую очередь обосновываются гегемонистские притязания США на мировой арене. Например, в книге «Геополитика ядерной эры» он представляет анализ военной стратегии США и НАТО, в котором место расположения ядерных объектов ставит в зависимость от географических и геополитических особенностей регионов. К. С. Грей считает, что нужна «высокая политика» безопасности и международного порядка, что важно учитывать влияние длительных пространственных отношений на возвышение и упадок

силовых центров, а также то, как технологические, политико-организационные и демографические процессы сказываются на весе и влиянии соответствующих стран.

Практически все новые разработки в области геополитики на Западе построены на понимании того, что с появлением дальней авиации, ракетного, а особенно ядерного оружия и средств его доставки, традиционные геополитические модели, в основе которых лежал в основном географическо-пространственный детерминизм, устарели и нуждаются в серьезной корректировке. Наиболее обоснованные аргументы в пользу этой точки зрения выдвинул американский геополитик А. П. Северски. В его геополитическом построении мир разделен на два огромных круга воздушной мощи, сконцентрированных соответственно на индустриальных центрах США и Советского Союза.

Американский круг покрывал большую часть Западного полушария, а советский – большую часть «Мирового острова». Оба они обладали приблизительно равной силой над Северной Америкой и Евразией, которая, по мнению А. П. Северски, в совокупности составляет ключ к мировому господству. Технологические нововведения в военной области и развитие новых военных технологий продиктовали необходимость применять чисто военный подход к проблемам обеспечения государственной или национальной безопасности. Его использование дало повод ряду ученых трактовать геополитику по-новому. Например, американский исследователь Д. Дедни уделял главное внимание роли технического и технологического факторов в отношении между географической средой и политическими процессами (Deudney D. *Whole Earth Security: A Geopolitics of Peace*. Washington: World Watch Institute, 1983.). Он, в частности, рассуждал следующим образом: «Геополитическая действительность служит фоном для географии и технологии. Она придает форму, прокладывает русло и предполагает осуществление политической власти во многом тем же самым образом, как горные хребты, мосты и фортификационные сооружения воздействуют на армию во время сражения. Они не полностью определяют результат, но благоприятствуют различным стратегиям неодинаково... География планеты, конеч-

но, не изменяется. Но значение естественных особенностей планеты в борьбе за военное превосходство и безопасность изменяется с технологическими изменениями и человеческой возможностью разрушать, перевозить и сообщать. Без сильного чувства технологии геополитика вырождается в земной мистицизм» (Тихонравов Ю. В. Геополитика. М. : ИНФРА-М, 2000).

Мысль Д. Дедни можно продолжить дальше. Поскольку наибольшей универсальностью из всех видов Вооруженных сил, являющихся важнейшим средством достижения геополитических целей, отличается Военно-морской флот, то и его определяющая роль в формировании современных геополитических реалий становится очевидной. Следовательно, именно ВМФ открытого моря, его мощь, мобильность и боевая готовность в первую очередь должны быть предметом особой заботы любого самодостаточного морского государства как наиболее эффективное средство проведения в жизнь определенных геополитических взглядов, особенно взглядов с позиции цивилизации морского могущества.

Однозначное технологическое и техническое превосходство Запада в военной области, характерное для настоящего времени, привело к тому, что для военных стратегов США и НАТО стала определяющей глобализация геополитики с военно-технологических позиций. Примечательно высказывание одного из них о том, что в геополитике ядерного сдерживания технология, в первую очередь, военная технология, сменила географию по значению, в то время как психологические аспекты основной политики «с позиции силы» достигли доминирующего влияния в их стратегическом, политическом курсе. При этом нравственные начала в современном мире практически не рассматриваются и повсеместно попираются. В этом главная ошибка человечества. В основе любых решений должны быть положены нравственные начала.

Таким образом, технология ядерного века оказалась настолько революционной в своем влиянии на географию, что практически сменила ее в качестве основного фактора геополитики. Примерно такой точки зрения придерживалась баронесса Маргарет Хильда Тэтчер (1925–2013). Такая позиция преследует цель приспособить

геополитику к политике только «с позиции силы», стремление отдать решительный приоритет технологии высшего уклада и, таким образом, допустить, что новые геополитические отношения возникли «натуралистически», без вмешательства социальных и политических структур и теорий. Сегодня наряду с ядерным оружием возможностями влиять и даже в определенной степени определять геополитику обладает высокоточное оружие, а также оружие на новых физических принципах. Например, массовое внедрение самого негуманного генного оружия вообще приведет к полному пересмотру геополитических концепций.

В британской политической жизни прочно утвердился термин «тетчеризм». Этим термином характеризуют определенные политические, идеологические и моральные установки, которые проводила или стремилась провести в жизнь Маргарет Тетчер, а также ее специфический стиль руководства.

Политическая философия «тетчеризма» небезынтересна. Ее основу составляют несколько элементов. Это — апологетика свободного предпринимательства, личной инициативы. Главным стимулом при этом М. Тетчер считала прямую материальную выгоду, желание «устроить жизнь как можно лучше для себя и своей семьи». По ее утверждению, она тем самым «апеллирует к лучшему, что заложено в природе человека». Вопрос о мотивации человеческой активности — один из центральных в философии «тетчеризма». «Ничего плохого нет в том, чтобы создавать богатство, достойна осуждения только страсть к деньгам ради денег», — говорила М. Тетчер. «Погоня за равенством — мираж. Возможности ничего не значат, если за ними не стоит право на неравенство, свобода выделяться из всех».

Маргарет Тетчер (1925–2013)

В своей известной речи «Как мы разрушали Советский Союз» «железная леди» отмечала: «Советский Союз — это страна, представлявшая серьезную угрозу для западного мира. Я говорю не о во-

енной угрозе. Её, в сущности, не было. Наши страны достаточно хорошо вооружены, в том числе ядерным оружием.

Я имею в виду угрозу экономической. Благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов, Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков.

Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей. Основным было навязывание гонки вооружений. Мы знали, что советское правительство придерживалось доктрины равенства вооружений СССР и его оппонентов по НАТО. В результате этого СССР тратил на вооружение около 15% бюджета, в то время как наши страны — около 5%. Безусловно, это негативно сказывалось на экономике Советского Союза. Советскому Союзу приходилось экономить на вложениях в сферу производства так называемых товаров народного потребления. Мы рассчитывали вызвать в СССР массовое недовольство населения. Одним из наших приемов была якобы «утечка» информации о количестве вооружения у нас гораздо большем, чем в действительности, с целью вызвать дополнительные вложения СССР в эту экономически невыгодную сферу.

Важное место в нашей политике занимал учёт несовершенства конституции СССР. Формально она допускала немедленный выход из СССР любой пожелавшей этого союзной республики (причем практически путем решения простым большинством её Верховного Совета). Правда, реализация этого права была в то время практически невозможна из-за цементирующей роли компартии и силовых структур. И всё-таки в этой конституционной особенности были потенциальные возможности для нашей политики».

М. Тэтчер, в отличие от многих консерваторов, прохладно относилась к идее дальнейшего углубления европейской интеграции. В 1988 году в своей речи в Брюгге она выступила против

инициатив ЕЭС о повышении централизации в принятии решений и создания федеративных структур.

Определенный вклад в развитие геополитики также внес представитель английской школы, известный английский военный стратег и публицист, геостратег Э. Кингстон-Макклори (1896–1959).

Геостратегический талант Кингстона-Макклори в полной мере отразился в его трудах по военно-стратегическим проблемам: «Крылатая война», «Война в трех измерениях» (1949), «Руководство войной» (1955). Однако наибольшую известность среди специалистов получила его работа «Глобальная стратегия», вышедшая в Лондоне в 1957 году и переведенная на русский язык в 1959 году.

В этой работе Кингстон-Макклори оперирует новыми категориями:

- союзная объединенная (или коалиционная) стратегия;
- национальная совместная стратегия (включающая стратегии всех видов вооруженных сил: ВВС, ВМС, армии);
- стратегия театра военных действий (ТВД);
- стратегии специальных военных объединений, например, бомбардировочной авиации;
- стратегия отдельного соединения.

Все виды стратегий в интегральном плане образуют глобальную стратегию, которая тесно связана с национальной политикой и проводится национальным руководством.

Общий характер совместной стратегии стран Запада и, в первую очередь, Великобритании и США, по мнению Кингстону-Макклори, должен быть оборонительным. Оборонительная политика у него вытекает из политической, экономической, моральной силы государства и определяется его географическим положением. При этом Кингстон-Макклори мыслит как геополитик. Он формулирует четыре требования стратегии, влияющие на геополитику западных держав:

1. Создание сил, сдерживающих тотальную войну (ядерных).
2. Готовность к политической и, возможно, военной борьбе в условиях холодной войны;

3. Готовность к локальной и ограниченной мировой войне обычных сухопутных сил, возможно, с применением тактического атомного оружия.

4. Готовность к тотальной войне с применением всех запасов ядерного оружия, с использованием всей стратегической бомбардировочной авиации и баллистических ракет.

Кингстон-Макклори обоснованно считает, что стратегия холодной войны, а также локальных и ограниченных войн требуют иных Вооруженных сил и вооружений, чем стратегия тотальной ракетно-ядерной войны.

В специальной главе «Стратегия и географические зоны» Кингстон-Макклори рисует геополитическую картину мира 50-х гг. XX века с точки зрения западных политиков.

В частности, Кингстон-Макклори пишет, что большую часть территории центрального континента – Евразии – занимают СССР, Китай и их сторонники. Страны Запада контролируют большую часть территорий и морей, которые окружают «коммунистический территориальный массив». Отсюда, как считает автор, вытекает главная геополитическая цель Запада – не допустить, чтобы за «железный занавес» отошли новые территории, что повлекло бы за собой потерю ресурсов и союзников Запада и усиление советского влияния.

Из геополитической картины мира Кингстон-Макклори выводит геостратегический проект. Он обозначает два «великих стратегических бастиона» – Западную зону, включающую Великобританию, весь Американский континент и Атлантический океан, и Восточный бастион, включающий некомунистические страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Между Западной и Восточной зонами располагается Средняя зона, которая включает Ближний Восток со всеми странами, расположенными в районе Персидского залива, Африку и западную часть Индийского океана.

В трех геостратегических зонах он выделяет «критические рубежи», где противостояние западного и коммунистического мира чувствуется наиболее остро. «За критическими рубежами в Европе, в Средней зоне и на Дальнем Востоке, — отмечает он, — име-

ются большие окаймляющие зоны, где может быть больше возможностей для компромиссов».

Свой вклад в развитие современных идей атлантизма внес также идеолог «нового мирового порядка» Збигнев Бжезинский (р. 1928), американский социолог, политик и государственный деятель, который в 1977–1981 гг. был помощником президента Дж. Картера по национальной безопасности. В 1970-х гг. он выдвинул теорию вступления американского общества в так называемую технотронную эру (как один из вариантов постиндустриального общества).

В 1986 г. в книге «План игры» З. Бжезинский характеризовал соперничество СССР и США как геополитическую борьбу за контроль над Евразией. В 1998 г. вышло в свет его новое творение – «Великая шахматная доска», где он призывает выработать и применять комплексную, всеобъемлющую и долгосрочную геостратегию по отношению ко всей Евразии. Именно в этом должно выражаться стремление США управлять главными геостратегическими фигурами на евразийской «шахматной доске», расставляя их в соответствии со своими интересами и руководя при этом ключевыми геополитическими центрами Евразии для сохранения на длительное время своей ведущей роли в мире (Бжезинский, Збигнев. Великая шахматная доска. – М. : Международные отношения, 2009. – 280 с.).

В современных условиях определенный интерес представляет книга Бжезинского «Выбор: Мировое господство или глобальное

Збигнев Бжезинский

лидерство». По мнению З. Бжезинского, изложенному в данной книге, ни одно государство не может сравниться с Америкой в четырех главных аспектах силы (военном, экономическом, техническом и культурном), которые в совокупности и определяют решающее политическое влияние в мировом масштабе. Необходимость американской гегемонии автор этого научного труда видит в том, чтобы предотвратить «геополитический хаос». З. Бжезинский пугает мир разрушитель-

ными последствиями демографического взрыва, миграции, вызванной нищетой, радикальной урбанизации, а также этнической и религиозной враждой и распространением оружия массового уничтожения.

З. Бжезинский видит две возможные «альтернативы» американской гегемонии: господство, основанное на силе, или лидерство, основанное на согласии. Однако сам автор в качестве основной альтернативы выбирает лидерство, довольно парадоксально соединяя гегемонию с элементами демократии. В частности, он пишет, что «гегемоническое лидерство» предполагает, что «американская глобальная гегемония управляет американской демократией».

Кроме этого, З. Бжезинский рассматривает новые тенденции в глобальной геополитической ситуации, сложившейся после 11 сентября 2001 г. К их числу он относит:

- увеличение разрыва в военных возможностях не только между США и их геополитическими противниками, но и между их основными союзниками;
- заметное отставание военно-политического объединения Евросоюза от интеграции в экономической сфере;
- все более ясное понимание Китаем, что ему необходим период минимальной внешнеполитической активности, чтобы справиться с внутренними задачами;
- стремление Японии стать могущественной военной державой;
- повсеместное распространение опасений, что склонная к единоличным решениям Америка способна стать источником угроз для всей планеты.

В этой обстановке З. Бжезинский прогнозирует новые варианты геополитических союзов США. Приоритет он отдает разработке трансатлантической и тихоокеанской стратегиям как наиболее эффективным. Несмотря на разногласия с Евросоюзом, в связи с американской военной операцией в Ираке и ростом антиамериканских настроений в Европе, З. Бжезинский делает ставку на союз США с Европой как «брак по расчету»: «Действуя в одиночку, Америка может первенствовать, но ей не достичь всемогущества; Европа, действуя аналогичным образом, может наслаждаться

ся богатством, но ей не преодолеть своего бессилия». Таким образом, З. Бжезинский отводит европейцам вспомогательную роль в сфере глобальной безопасности, надеясь, что объединенный американско-европейский контингент поможет США справиться с их глобальными задачами.

Особое место в новых геополитических условиях З. Бжезинский отводит тихоокеанской стратегии, в основу которой он стремится положить «тщательно сбалансированный стратегический треугольник» в составе США, Китая и Японии. З. Бжезинский видит в этом возможности создания важного восточного плацдарма для противостояния «стихии беспорядка» на обширных евразийских пространствах, которые по-прежнему рассматривает в качестве «черной дыры».

Особую опасность в новой геополитической ситуации американский геополитик связывает с повсеместным нарастанием антиамериканских настроений. В частности, он отмечает разрушительную для американской гегемонии роль панъевропеизма и паназиатизма, которые собирают под свои знамена всех, кто видит в Америке общую угрозу.

В начале XXI в. наибольшую популярность в мондиалистских кругах получила концепция американской гегемонии нового типа, авторство которой также принадлежит Збигневу Бжезинскому. По его мнению, новизна этой гегемонии определяется тем, что в XXI в. основной геополитический вопрос не сводится к старой дилемме атлантизма и континентализма — власть на суше или власть на море: «Геополитика продвинулась от регионального мышления к глобальному, при этом превосходство над всем Евразийским пространством служит центральной основой для глобального главенства».

В концепции З. Бжезинского современная американская гегемония беспрецедентна по трем причинам:

- впервые в истории одно государство является действительно мировой державой;
- государством, превосходящим все другие в мировом масштабе, является не евразийское государство;
- центральная арена мира — Евразия — находится под преобладающим влиянием неевразийской державы.

США последовательно решают задачу сохранения глобальных интересов и мирового господства. Об этом весьма определенно говорит З. Бжезинский. Цель американской геостратегии — создать действительно готовое к сотрудничеству мировое сообщество и одновременно не допустить на политической арене соперника, способного господствовать в Евразии и бросить вызов Америке. Евразия, пишет З. Бжезинский, главный геополитический приз для Америки.

После развала СССР изменилась геополитическая картина мира: единственной сверхдержавой остаются США. Поэтому возникли причины пересмотра геополитических моделей развития концепции атлантизма и мондиализма. Проявлением этой новой тенденции стала книга американского геополитика Френсиса Фуунуямы «Конец истории». По мнению автора книги, человеческая история ранее развивалась под воздействием иррациональных (деструктивных) факторов, подчиняясь только закону силы. Кроме этого, существовало нерациональное менеджирование социальной реальности. Советский союз был последним бастионом иррационализма, и с его падением окончательно произошел необратимый переход к разумному строю, который воплощен в современной западной атлантической цивилизации. К какому разумному строю перешел мир, мы наблюдаем.

В рамках этой теории американским геополитиком Айром Страусом была создана современная униполярная модель мира. В современном мире он выделил глобальное униполюс, представляющее собой баланс сил государств, между которыми в любом случае не может возникнуть войны. Это глобальное униполюс имеет пространственное строение из 3-х основных центров:

1. США (главный центр),
2. Япония,
3. Евросоюз.

А. Страус считает, что Россия не имеет право на самостоятельное существование и должна войти в состав этого униполюса, и только тогда будет существовать достаточно прочная основа для стабильности в мире. Если этого не произойдет, то стабильность может быть обеспечена, однако только при длительном су-

ществовании глобального лидерства США, как гаранта этой стабильности. Китай может быть туда включен только в долгосрочной перспективе. Какую стабильность в мире может обеспечить США, мы сегодня наблюдаем. К слову сказать, столь непродуманное отношение к Китаю чревато для США глобальными геополитическими ошибками. Китай, с его выдающейся древней культурой, национальной целеустремленностью и трудоспособностью, уже в ближайшие 10–15 лет станет признанным мировым лидером как в экономическом, так и в военных отношениях.

Определенный интерес из современных геополитических концепций представляет концепция норвежского ученого, президента Федерации исследований мирового будущего, основателя и первого директора всемирно известного Стокгольмского института исследований проблем мира, одного из основателей «Журнала исследований мира», почетного члена «Конгресса Третьего Мира» Йохена Галтунга. Йохен Галтунг предложил многополярную модель мира с выводом в духе мондиализма. Более того, он сделал прогнозы развития геополитической ситуации в новом мире. В период холодной войны Йохен Галтунг выделил три суперполитики, которые перекрывали внешние политики отдельных стран. В их рамках создавались глобальные блоки:

1. Западная суперполитика (цель – антикоммунизм), объединяющее начало – либеральная система и рыночная экономика. В качестве способа достижения цели – военное превосходство над противником;

2. Восточная суперполитика (цель – антиимпериализм), социальное устройство – военное равновесие;

3. Политика необъединенного 3-го мира (цель – создание и укрепление национальных государств), средство достижения цели – игра на противоречиях между Западом и Востоком.

В настоящее время картина мира стремительно меняется – западная суперполитика становится господствующей, ее целью становится экономическое проникновение во все регионы мира. Гарантом такой политики по-прежнему являются США, военная мощь которых примерно соответствует всей суммарной мировой военной мощи. В этих условиях начинает проявляться стремле-

ние Евросоюза – снизить зависимость от США, что, в конечном счете, может привести к глобальному конфликту. Япония считает, что относить ее геополитику к Западной геополитике также есть ошибка. Ближайшей целью Японии является обеспечение превосходства над экономически усилившимися соседями и осуществление своих самостоятельных национальных проектов в Азии.

Россия, в соответствии с концепцией Йохена Галтунга, подобна Австро-Венгрии после распада, где идет образование национальных государств. В будущем, по мнению Йохена Галтунга, возможно частичное соединение РФ с Белоруссией, а также с Украиной и Казахстаном. При этом Йохен Галтунг выделяет три основных геополитических центра:

1. Западная Азия, которую он делит на неарабскую Западную Азию (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, мусульманские республики бывшего СССР) сейчас в этих странах тенденция к укреплению позиций ислама, и 22 арабские страны (Пакистан + 21), в которых чередуется панславизм и панарабизм, и чем больше одной политике не удастся, тем больше другая активизируется;

2. Индия – возможен конфликт между ориентацией руководства на западные ценности и стандарты и традиционными ценностями подавляющего большинства населения.

3. Китай – скрытый капитализм, стремится к расширению и глобальному лидерству.

В целом, Йохен Галтунг делает вывод: сейчас в мире 7 центров, претендующих на глобальную и региональную гегемонию:

- США с гегемонией в Западном полушарии и на Среднем Востоке (Израиль, прежде всего), с прозрачными устремлениями быть гегемоном гегемонов. Однако совершенно очевидно, что США в современных условиях не в состоянии в одиночку определять правила и нормы мирового поведения;
- Европейский Союз, стремящийся стать супергосударством и пытающийся использовать прошлые противоречия между Россией и Османской империей. Не исключено, что ЕС начнет проводить единую международную политику. Безусловно, Франция и Великобритания, обладающие ядерным оружием, будут защищать не только свои национальные и регио-

нальные, но и мировые интересы. Германия представляет мощную экономическую державу, политическое влияние которой будет все время возрастать;

- Россия и другие страны СНГ, а также, возможно, в будущем, та часть Центрально-Восточной Европы, которая имеет православные и славянские корни;
- Турция и примерно 10 стран, объединенных под небольшим давлением ислама. Турция своей политикой содействует дроблению СНГ и, возможно, России;
- Индия, объединяющая ряд стран на основе индуизма, будет закреплять свое влияние в Южной Азии;
- Китай как дао-буддистско-конфуцианское государство-цивилизация со стремительно развивающимися производительными силами и растущим военным потенциалом будет стремиться к распространению своего геополитического влияния;
- Япония как синто-буддистско-конфуцианская страна, очевидно, не ограничится одним экономическим мировым влиянием.

Из этих регионов 6 практически полностью контролируются США. Его прогнозы: возможность геополитических конфликтов в сочетании США, ЕС, бывший Варшавский договор России против Китая, Японии, Кореи и Вьетнама.

Таким образом, в настоящее время окончательно утвердились следующие основные геополитические закономерности, характерные практически для всех национальных научных школ:

- континентальные и морские державы находятся в перманентном противоборстве;
- природные границы постоянно входят в противоречие с политическими;
- мировая мощь зависит от географических детерминант, контроль над ключевыми пространствами является ее составной частью;
- особая роль в глобальной системе принадлежит «срединной» земле, недоступной для морских держав, контроль над этой частью пространства обеспечивает глобальное геополитическое преимущество;

- все пространства контролируемы, потеря контроля над пространством одного геополитического субъекта означает установление контроля над ним со стороны другого субъекта;
- колонизация государствами больших пространств начинается в широтном направлении (с Востока на Запад), а по мере их освоения продолжается в меридиальном (с Севера на Юг);
- широтная экспансия (Восток→Запад; Запад→Восток) носит дестабилизирующий характер, меридиальная экспансия (Север→Юг) имеет стабилизирующие последствия;
- пересечение широтных и долготных векторов военно-экономической экспансии носит деконструктивный характер.

Известно, что геополитика и как наука, и как системное понятие возникла на базе цивилизационного, военно-стратегического подходов, а также теорий географического детерминизма. Роль и значение этих научных подходов и теорий в формировании единого понятия геополитики специалисты рассматривают по-разному.

1. 2. Фундаментальные основы геополитики. Этапы эволюции геополитических взглядов

Учитывая особую актуальность проблемы формирования современной геополитики, коротко отразим её фундаментальные основы. Например, в последнее время достаточно широкое распространение во многих общественных науках, особенно в истории и политологии, получил так называемый цивилизационный подход к формированию геополитики.

1. 2. 1. Цивилизованный подход к формированию геополитики

В основу цивилизационного подхода положено такое понятие, как «цивилизация». Существует несколько признанных определений понятия «цивилизация». По одному из определений, цивилизация – это сообщество людей, имеющих общие фундаментальные основы ментальности, основополагающие духовные ценности и идеалы, устойчивые особые черты в социально-